

Е. В. Зацарина

**ОБРАЗ ТОМАСА ГРЕДГРАЙНДА
В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА «ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА»**

*Работа представлена кафедрой литературы Балашовского института (филиала)
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. С. Вахрушев*

Роман Ч. Диккенса «Тяжелые времена» – выдающееся художественное произведение, которое по праву занимает свое место в ряду лучших книг английской мировой литературы. В статье представлена попытка анализа образа Томаса Гредграйнда как наиболее яркого сатирического образа романа.

Ключевые слова: *центральный персонаж романа, философия факта, «геометрия» внешности, драматизм ситуации, крах надежд.*

THE CHARACTER OF THOMAS GRADGRIND IN CH. DICKENS'S "HARD TIMES"

Ch. Dickens's "Hard Times" is a remarkable work of art, which rightfully stands in one line with the best English masterpieces. The article deals with the attempt of the analysis of Thomas Gradgrind's character as the most outstanding satiric image of the novel.

Key words: *central character of the novel, philosophy of Fact, "geometric" appearance, dramatic situation, break-up of hopes.*

Томас Гредграинд первый персонаж, которого мы встречаем в «Тяжелых временах» и одна из центральных фигур романа. Диккенс знакомит нас с Гредграиндом, начиная с описания его самой основной черты – «механизированной», монотонной внешности и однообразного отношения к жизни.

Томас Гредграинд – носитель и проповедник «философии факта», на которой и держится весь город Коктаун, вся его структура. Сама фамилия персонажа значима, она содержит в себе дважды повторенное сочетание «взрывных» звуков «гр-гр», что похоже на ворчание собаки. Кроме того, семантически фамилия состоит из двух английских слов: *grade*, что значит «степень, звание, сорт, оценка», и *grind* – «перемалывать, стирать в порошок». Герой действительно добился высокого положения, став парламентарием как раз благодаря тому, что он умеет «перемалывать» сознание школьников и взрослых своей теорией фактов (и как его самого «перемалывает» Время). И в этой своей функции он оказывается агентом Времени, тоже «перемалывающего» людей на своих станках. Вполне понятно поэтому, что именно этому персонажу автор поручает открыть роман краткой и энергичной репликой, обращенной в школьном классе к учителю: «Итак, я требую фактов. Учите этих мальчиков и девочек только фактам. В жизни требуются одни факты» [2, с. 7] (Now, what I want is Facts. Teach these boys and girls nothing but Facts. Facts alone are wanted in life). И добавляет: «Не насаждайте ничего иного и все иное вырывайте с корнем» [2, с. 7]. Вот оно,

начало «Сева», открывающего первую книгу романа. Речь персонажа звучит предельно энергично и ритмично, а слово «факты» по-английски пишется с большой буквы – как имя некоего божества. Перед нами своего рода «евангелие от Гредграинда». И это была не карикатура на вымышленную личность, а злая сатира на утилитаристов-представителей так называемой «манчестерской школы» в лице двух ее активных деятелей, Ричарда Кобдена и Джона Брайта. С этими двумя господами была лично знакома Элизабет Гаскелл, и она могла рассказать Диккенсу о них. Конечно, писатель не гонится за внешним сходством персонажа с его прототипами. Наоборот, он рисует явно карикатурный портрет своего проповедника фактов. У оратора «квадратный палец» (*a square forefinger*), «квадратный лоб» (*a square forehead*), «квадратные ноги» (*square legs*) и «большой, тонкогубый и жесткий рот», «твердый, сухой, властный голос». Вся эта «геометрия» внешности придает фигуре героя черты явной условности, «кукольности», автоматизма. Интересно, что на иллюстрациях художников Ф. Уокера и Х. Френча, сопровождавших роман при жизни Диккенса, никакой «квадратности» в фигуре Гредграинда нет и писатель, видимо, не возражал против такого несоответствия в изображении героя.

В первых главах романа мистер Гредграинд излагает свою философию голого расчета, не делая попыток скрыть свою одержимость фактами и цифрами. Он считает, что человеком могут управлять математические законы и «готов взвесить и измерить

любой образчик человеческой природы и безошибочно определить, чему он равняется» [2, с. 8]. Такая философия принесла Гредграйнду финансовый и социальный успех. Он сколотил свое состояние как торговец железом, торговец, который действовал по жестоким материальным законам суровой действительности. Позднее он стал членом парламента, занимая положение, которое позволило удовлетворить свой интерес в сведениях жизни людей Англии в таблицы.

Хотя мистер Гредграйнд и не владелец фабрики, но он проявляет дух промышленной революции таким образом, что относится к людям как к машинам, жизнь которых, как и работа машин, может быть сведена к нескольким научным принципам.

Его школьная система напоминает фабрику, в цехах которой работают автоматы под номерами. Эта «арифметизация» человеческого коллектива предвосхищает картину будущего в антиутопии Евгения Замятина «Мы» (1920), где человек сведен к исчислимой единице, к «нумеру» и знаку. В данном случае писатель лишь слегка утрировал взгляды создателя теории утилитаризма Иеремии Бентама (1748–1832), который сочинил огромное количество работ по разным отраслям знания, в том числе и по педагогике [8]. В своих трудах Бентам пишет о необходимости создания «моральной арифметики», с помощью которой вычислялись бы «единицы удовольствия» и «единицы боли» для учета всех человеческих действий по определенным формулам. Добро при этом должно определяться на основе «любви к себе» (self-interest). В искусстве Бентам не разбирался вообще и считал, например, что «игра в мяч так же хороша, как и поэзия» (pushpin is as good as poetry). Поэтому школьная программа этого отца утилитаризма предусматривает изучение геометрии, алгебры, технологии, но только не искусства и литературы. А музыка у него исключалась, потому что «она дает шум» (on the grounds of noise). Правда, были в программе Бентама и положительные моменты. Так, он предусматривал запрет на

телесные наказания, убирал обязательное религиозное образование, вводил обучение для девочек. Но первая осечка в деле воспитания по его системе случилась с верным учеником Бентама Джоном Стюартом Миллем (1806–1873), создателем Утилитарианского общества, крупным ученым-позитивистом. В своей «Автобиографии» [9] Милль рассказывает об этом так: под руководством отца, правоверного утилитариста мальчик Милль делал большие успехи, овладевая всевозможными науками, а заодно и обучая своих младших братьев и сестер. Под воздействием Бентама он мечтал стать «реформатором мирового масштаба» (a reformer of the world). Но в 20 лет у него начинается сильная депрессия, он разочаровывается в бентамовской системе образования, по которой учился, потому что в ней «установка на анализ влечет утрату чувств» (the habit of analysis has a tendency to wear away the feelings). Выходу из депрессии способствовало обращение Милля к искусству, не предусмотренное Бентамом.

Нечто подобное происходит и с детьми Гредграйнда, Томасом и Луизой, только с учетом того, что они не были вундеркиндами, как Милль. У Луизы, девушки умной, вырабатывается меланхолический характер, и она попадает в подчинение к брату, ничтожному существу, которого Хартхаус за глаза зовет «щенком». С самим же Гредграйндом по ходу романа происходит психологически точно обозначенная, хотя и не раскрытая Диккенсом глубоко, эволюция. Сначала он как бы раздваивается – его прямолинейная «квадратность» еще какое-то время сохраняется, но слабеет, в идеологе начинает проглядывать нормальный человек. Это особенно заметно в том, как двойственно он оценивает свою «худшую» ученицу Сесси Джуп, которая «почему-то» становится крайне нужной и для него, и для членов его семьи. Окончательному краху «людоедских» идей героя способствует несчастье с его дочерью, которая убегает от ненавистного мужа, когда-то навязанного ей отцом, и свали-

вается в горячке. Второй и окончательный удар по идеям Гредграйнда наносит история с его сыном Томасом, который стал вором (ограбил банк Баундерби), да еще и клеветником, бросив тень подозрения в воровстве на рабочего Блекпула. Это удар двойной. Сначала логику утилитаризма обращает против отца и учителя его сын, заявляя, что, согласно статистике, всегда есть нечестные люди и он попал под этот закон. «Я сотни раз слышал от тебя, – говорит он отцу, – что это закон. Не могу же я менять законы» [2, с. 303] (How can I help laws?). Примерно так же отвечает Гредграйнду его бывший лучший ученик Битцер, который рад донести на Томаса и занять его место в банке. Отец горестно вопрошает: «Есть ли у тебя сердце?» Битцер, «усмехнувшись несурзости вопроса», отвечает своему бывшему наставнику, что сердце, орган кровообращения, у него в порядке. Тогда бывший «квадратный» господин взывает к чувству жалости в ученике, на что тот приводит соображения разума и личной выгоды, которые побуждают его выдать Томаса властям. Да еще и напоминает учителю о его собственной философии: «Вы сами отлично знаете, что общественный строй держится на личной выгоде» [2, с. 307] (the whole social system is a question of self-interest). И далее разворачивается целая дискуссия между бывшим учителем и бывшим учеником, причем роли меняются – теперь «лучший» ученик по всем пунктам побивает наставника, пользуясь его же аргументами из учения о силе фактов. Недаром глава, изображающая эту драматическую и немного комическую ситуацию, называется «Немножко философии» (Philosophical). И чтобы окончательно «добить» героя и посрамить его утилитарно-статистическую теорию, Диккенс придумывает эффектный сюжетный ход – несчастному Гредграйнду помогают те самые циркачи, которых в начале романа он считал ненужными людьми, отвлекающими народ от «правды фактов». Именно они укрывают у себя проворовавшегося Томаса и

для маскировки обряжают его в нелепый клоунский наряд, мажут лицо черной краской. «Никогда мистер Гредграйнд, – сообщает автор с горькой иронией, – не поверил бы, что может существовать нечто столь мрачное, отталкивающее, унижительно смешное, как щенок в своей шутовской ливрее, если бы своими глазами не убедился в этом неопровержимом факте» [2, с. 303] (anything so grimly, detestably, ridiculously shameful as the whelp in his comic livery, Mr. Gradgrind never could by any other means have believed in, weighable and measurable fact though it was). Фраза построена писателем в нарочито затрудненной громоздкой синтаксической конструкции, чтобы передать чувство отчаяния отца при жалком и нелепом виде своего отпрыска. Разговор происходит на арене цирка после окончания представления, отец сидит на клоунском стуле, сын выряжен в чужой для него наряд клоуна-арапа, так что вся сцена последнего свидания родителя с сыном отчасти напоминает клоунскую репризу, которая своей смешной нелепостью гротескно оттеняет драматизм ситуации. Мастерство Диккенса налицо, и особенно странно здесь вспоминать пренебрежительные отзывы Т. И. Сильман о романе как о наборе «вопросов и ответов», едва прикрытых «так называемой образной формой» [7, с. 307]. Наоборот, Диккенс дал здесь один из лучших образцов своего искусства, показав в главе «Охота за щенком» сначала сцену веселого циркового представления, полного незамысловатых шуток и трюков, а затем эпизод прощания отца с сыном в тех же цирковых декорациях (а сын еще и в клоунском наряде), но уже резко контрастирующую по тональности с предшествующей сценой. Цирк в целом выступает у Диккенса как искусство гуманное, по-человечески волнующее. И Гредграйнд, окончательно потерявший свой «квадратный» (тоже по-своему близкий к цирковому, только в сатирическом смысле) облик, уходит из романа как герой, к которому вернулись качества доброго и умеющего страдать, сочувствовать другим человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dickens C. Hard Times. Worldsworth Editions, 2000. 243 p.*
2. *Диккенс Ч. Тяжелые времена / Пер. с англ. В. М. Топер. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 19. С. 5–319.*
3. *Аникст А. А. «Тяжелые времена» // Диккенс Ч. Соч.: В 30 т. М.: 1960. Т. 19. С. 695–701.*
4. *Вахрушев В. С. Образ. Текст. Игра: Очерки по теории литературы. Ч. 2. Балашов; Николаев, 2002. 128 с.*
5. *Дымова Л. А. О педагогических идеях Чарльза Диккенса // Проблемы педагогики и школы в капиталистических странах. М.: Просвещение, 1974. С. 210–221.*
6. *Ивашева В. В. Творчество Диккенса. М.: Изд. Москов. ун-та, 1954. 472 с.*
7. *Сильман Т. И. Диккенс: Очерки творчества. Л.: Худож. лит., 1970. 376 с.*
8. *Bradley P. Victorian Lessons: Education and Utilitarianism in Bentham, Mills and Dickens: <http://www.tcr.org/tcr/essays/EPrize-Bentham.pdf>*
9. *Mill J. St. Autobiography. L.: Longmans press, 1873. P. 138–139.*
10. *Modern Critical Interpretations: Charles Dickens' Hard Times / Edited by Harold Bloom. N. Y.: Chelsea House, 1987. 287 p.*
11. *Gilmour R. The Gradgrind School: Political Economy in the Class Room. Victoria Studies, 11 (December 1967). P. 207–224.*